

УДК 94(47+57)
ББК 63.3(2)6-3
И – 23

Иванцов Игорь Григорьевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры «Управления» инженерно-экономического факультета, филиала Майкопского государственного технологического университета в поселке Яблоновском, т.: 8(905)4769207

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИЙНО – ГОСУДАРСТВЕННОГО КОНТРОЛЯ ВКП (Б)
ПО ПРЕСЕЧЕНИЮ КОРРУПЦИИ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЙ В СФЕРЕ
ЭКОНОМИКИ (20-е – нач. 30-х гг. XX в.)**

(рецензирована)

В статье рассматривается деятельность органов партийно-государственного контроля ВКП (б), направленная на пресечение различного рода злоупотреблений в социально-экономической сфере. Уже середина 1920-х годов отмечалась появлением дефицита многих товаров, услуг, сопряженных с бедностью основной массы людей. В конце 1920-х положение усугубилось и нехваткой продовольствия, что способствовало проявлениям коррупции и злоупотребления, с которыми государство вело борьбу.

Ключевые слова: экономические трудности, дефицит, ответственность, злоупотребления, растраты, контрольные комиссии ВКП (б), руководство.

Ivantsov Igor Grigorjevich, Candidate of History, associate professor of the Department of Management of the Engineering and Economics faculty, branch of Maikop State Technological University in Yablonovskii, tel.: 8 (905) 4769207

**ACTIVITIES OF THE PARTY - STATE CONTROL OF CPSU (B) TO CURB
CORRUPTION AND ABUSE IN ECONOMY. MID-1920-s - early 1930-s.**

(Reviewed)

The article discusses the activities of the party-state control bodies of the CPSU (b), aimed at curbing abuses in various socio-economic spheres. The middle of 1920-s was marked by shortage of many goods and services associated with mass poverty. In the late

1920-s the situation worsened. Food shortages contributed to manifestations of corruption and abuse the state struggled with.

Keywords: economic difficulties, shortage, responsibility, abuse, embezzlement, check commissions of the CPSU (b), a guide.

В наше время о еще недавнем советском прошлом уже начинают складываться мифы. Один из таких мифов говорит о том, что при социализме не было крупных злоупотреблений в экономической сфере и, самое главное, коррупции, которую даже отдаленно можно было бы сравнить с нынешней.

Конечно масштабы доли национального богатства, вовлеченного в коррупцию, в рассматриваемый период, были несоизмеримо меньше нынешних. Разрыв в доходах самых обеспеченных и необеспеченных слоев населения был меньше в разы. Но отсутствовала ли она. Факты говорят об ином. Она была, хотя и принимала порою странные по сегодняшним меркам формы. Многочисленные архивные документы комиссий внутрипартийного контроля это подтверждают.

Так по состоянию на 1 сентября 1925 г. в масштабах страны различные проверки-чистки прошли 125327 коммунистов. Из них было подвергнуто партвысканиям 37648 человек, исключено 9009 человек [1, с. 66,68]. В инструктивном докладе 13.11.1925 г., проходившем на совещании членов ЦКК ВКП (б), выезжающих на места участвовать в партконференциях, итоги проверки подвел Е.М. Ярославский. Он отметил, что 26-28 % состава партии, т.е. 217 тысяч человек, было проверено по тем данным, которые он имел на руках. Им был сделан обзор самых распространенных причин, по которым велись дела. На первом месте стояли преступления по должности и связанные с растратами, а также преступления связанные с нарушением революционной законности [2, л. 3-4].

Сами партийные организации часто злоупотребляли своим руководящим положением. Дело в том, что они все время ощущали нехватку денежных средств. Пополнялись партийные кассы, конечно же, не за счет партийных взносов. Средства им выделяло государство. Уже в марте 1919 года на VIII съезде РКП (б) из 16 млн. рублей прихода, показанных съезду в кассовом отчете ЦК, почти 7 млн. рублей выдал партии ВЦИК, т.е. эти средства поступили партии из государственного бюджета [3, с.

188]. Такое же положение сохранялось и в последующие годы. Да это и не могло кого – либо удивить, ведь уже в резолюции того же съезда была отмечена особая роль РКП (б) как «партии, стоящей у власти и держащей в своих руках весь советский аппарат» [4, с. 423].

Выделяемых средств на все расходы парторганизаций зачастую не хватало. И был найден и апробирован выход из такого положения, иной способ, пополнения партийной кассы, а именно давление на различного рода «хозорганы», с целью оказания ими различного рода финансовой помощи и пожертвований. Реагируя на эти явления ЦК и ЦКК ВКП (б) в своем обращении о борьбе за режим экономии (Правда, от 25.04.26 г.) указывали всем партийным организациям страны на недопустимость «прямых или косвенных материальных поборов парторганизаций с хозорганов» и категорически велели им «целиком укладываться в свою смету». Но, тем не менее, случаи прямых поборов упорно продолжали фиксироваться. Февральский (1927 г.) пленум ЦК вновь подтвердил запрещение руководителям госбюджетных, хозяйственных и иных непартийных организаций, оказывать какую – либо денежную помощь парторганизациям, причем на органы ЦКК – РКИ была возложена задача, строжайше следить за проведением этого решения.

ЦКК настойчиво рекомендовала всем местным КК (контрольным комиссиям при окружках или райкомах ВКП (б)) проследить за выполнением данной директивы ЦК. В случае выявления фактов получения средств от госбюджетных, хозяйственных и иных непартийных организаций, виновных предписывалось привлекать к ответственности за нарушение директивы ЦК и ЦКК. Обо всех замеченных нарушениях и принятых по поводу них решений со стороны местных КК все сведения необходимо было доводить до ЦК ВКП (б) [5, с. 71].

Основой многочисленных злоупотреблений и коррупции в советское время была секретность и отсутствие необходимой законодательной базы. Недостаточная квалификация, отсутствие опыта у советских и партийных управленцев тоже играли немаловажную роль.

Контрольными комиссиями ВКП (б) велась работа с коммунистами, подозреваемыми в хищениях и растратах. В специально посвященном этой проблеме циркуляре говорилось об обязанности местных КК вести решительную борьбу с такими проявлениями. И не только с явными растратами и хищениями, но в не

меньшей мере и с замаскированными хищениями, которые широко практиковались в виде авансирований и кредитований в кооперативных организациях. Этому способствовала плохая постановка бухгалтерии и отчетности в низовых органах кооперации, затруднявшая проведение ревизий. Причем на местах к коммунистам, виновным в растратах и хищениях далеко не всегда применялись меры взыскания, порой их просто «перебрасывали» с одного места работы на другое без всяких взысканий, иногда даже на более ответственную.

Например, дело заместителя начальника политотдела Черноерковской МТС по спецработе (по ОГПУ), Алексеева. Он обвинялся в пьянстве, использовании служебного положения для самоснабжения. В колхозах он принуждал их руководство продать по низкой цене ему продукты (индюков, свиней, муку, брынзу и т.д.), а часто и отдавать бесплатно, угрожая в случае невыполнения его требований репрессиями. Таким образом, в колхозе «Соцживотновод» было разбазарено продуктов на 1500 рублей, где участником бесплатного пользования был и Алексеев. КК Славянского района объявила ему строгий выговор с предупреждением, и отправила отношение в Крайземуправление, с предложением снять его с работы, как дискредитировавшего себя. С должности он был снят. [6, л.3].

ЦКК велела местным органам партийного контроля выявленных растратчиков и расхитителей, безусловно, исключать из партии и предавать суду. А сами факты растрат и хищений предавать огласке через местные печатные органы, для создания определенного общественного мнения [7, с. 42-43].

Действительно, такие факты предавались огласке через печатные органы, но что удивительно, в основном, как и в наше время всякая мелочь. Присвоение коммунистом 100-200 рублей влекло за собой партийное (а иногда и уголовное) расследование, которое «раскручивалось» очень длительный срок, с рвением и упорством, в то время как скандальные хищения, выражаемые в крупных, многотысячных суммах просто засекречивались и огласке не подлежали. Как и не подлежали разглашению подобные факты, если в них были замешаны целые организации.

Вначале 1930-х гг., в связи с нехваткой продовольствия на Северном Кавказе, имелись многочисленные случаи спекуляций продуктами государственных учреждений. В производстве, в апреле-мае 1933 г. находились дела о спекуляции

продуктами следующих госучреждений: Госбанк, Зернохлеб, Союззаготнарпит, Северокавказский снабсбыт, Сочинский дом отдыха «Кавказская Ривьера», многие районные и городские Райпо и Горпо Северокавказского края [8, л. 44-45, 52]. В целом ряде крупорушек (предприятий по измельчению, помолу крупы) треста «Союзкрупка» были выявлены хищения и спекуляция хлебом, в том числе и «беспардонная» реализация его на рынке по соответствующим ценам [9, л. 16-19].

За подобными случаями, в организациях, всегда стояли конкретные люди. Причем рядовые сотрудники зачастую даже не подозревали, что выполняют корыстные и преступные распоряжения своих непосредственных начальников. Однако здесь, как ни странно, присутствовал и большой положительный момент. А заключался он в следующем. Все руководящие работники районного звена прикреплялись к спецраспределителю и входили в особый снабженческий список. Так по состоянию на 20.11. 1931 г. в таком списке Темрюкского района, северокавказского края, согласно решению райисполкома числились 46 человек [10, л. 95].

Особый снабженческий список являлся документом совершенно секретным и доводился во все снабженческие организации района, для ознакомления, только их руководителям (под роспись о неразглашении). Партийная номенклатура сложилась уже давно, давно возник и порядок ее особого снабжения, причем как самих должностных лиц, так и членов их семей. Секретность во многом объяснялась раздражением на само существование спецраспределителей, со стороны рядовых коммунистов.

В тоже время у всех, не пользовавшихся подобными льготами, сильнейшее озлобление вызывало отсутствие в свободной продаже товаров (и даже хлеба), которые раньше можно было везде купить. К началу 1930-х гг. они приобретались уже только на рынке, или по знакомству в тех-же государственных магазинах, где в связи с большим дефицитом для остальных категорий покупателей, товара просто не было. А если и был, то до рядового покупателя просто не доходил.

Так вот, положительным, повторимся, было то, что организации, спекулировавшие продуктами, давали возможность людям, не пользующимся услугами распределителей, купить продукты на черном рынке, хотя бы и по повышенной цене. А таких людей, особенно на селе, было большинство.

Немаловажным фактором была и бесконтрольность со стороны партии, когда с одной стороны фактически отсутствовал независимый партийно-государственный контроль, поскольку культивировался заботливый подход к «социально-близким кадрам», которыми в первую очередь собственно и являлись члены партии, особенно стоявшие на руководящих должностях. Выражалось это в создании особых снабженческих списков, различных закрытых спецраспределителей, специальных детских садов, выплатой премий в конвертах и т.д.

Например, как следует из сообщения заместителя начальника политсектора МТС Северокавказского края, Боровского, для улучшения питания политотдельцев и бытового обслуживания работников политотделов, в Ростове, при крайпотребсоюзе, была организована специальная база-магазин. Для снабжения работников политотделов МТС и совхозов туда ежемесячно командировали представителей. Начиная с 3-го квартала 1933 г., дополнительно к получаемому пайку (их паек приравнивался к офицерскому), всему составу работников политотделов края и директорам МТС стали дополнительно выдавать из расчета на одного человека в месяц:

Консервы рыбные – 2 банки, консервы овощные – 2 банки, конфеты – 1 кг, печенье – 1 кг, папиросы – 200 шт. Промтоваров (на квартал) – на сумму 150 рублей. Так же сообщалось, что редакторы многотиражек и женские организаторы, а также члены их семей включались в закрытый распределитель районного актива и снабжались наравне с ними. Кроме того, начальник политотдела и оба его заместителя два раза в год получали обмундирование (летнее и зимнее), галеты, из расчета 6-8 кг в месяц на одного человека, включая и директора МТС, и прочие продукты. Ответственные работники политотделов МТС имели возможность ежемесячно получать стандартные посылки с дефицитными продовольственными и промтоварами [14, л. 26]. Напомним, что это происходило на Кубани в 1933 году, во время страшного массового голода.

Некоторые руководящие работники на селе пытались действовать энергично, инициативно в деле решения экономических затруднений. Но без официального согласия и разрешения партийных органов района это считалось преступлением, несмотря на то, что руководители колхозов, сельскохозяйственных артелей и т.д., в

тоже время всячески призывались ими выходить из бедственного положения своими силами, опираясь на внутренние ресурсы.

Следование таким призывам заканчивалось печально. Председатель коммуны «Красный Батрак», в станице Нововладимирской Крототкинского района Фефелов И.С. возглавил ее в тяжелое время, осенью 1932 году. Коммуна имела долг по краткосрочным платежам. Фефелов для покрытия долга разрешил продажу муки на частный рынок (на сумму 5523 рубля), на вырученные деньги погашался долг и вносились авансы под товары кооперации. Для общественного питания он разрешил забить обобществленный скот (всего 8 свиней и 3 быков). После успешного выполнения планов зернозаготовок разрешил устроить гулянку со спиртным. Такая инициативность была жестко пресечена. Президиум Крототкинской районной КК ВКП (б) постановил: за спекуляцию мукой, уничтожение скота и т.д., Фефелова Ивана Сергеевича из партии исключить, с должности снять, дело передать в прокуратуру и рассмотреть на показательном судебном процессе в станице Нововладимирской [12, л. 263].

Конечно, злоупотребления и коррупция в начальный период советской власти была несравнима с тем, что происходит в наше время. Но власти реагировали. Уже 8 мая 1918 года советское руководство было вынуждено издать декрет о борьбе с коррупцией. В 1922 г. была создана специальная «Комиссия по борьбе со взяточничеством», которую возглавил Ф.Э. Дзержинский. Да и приведенные в статье данные однозначно свидетельствуют, что и в советское время была и коррупция, и злоупотребления и прочие негативные явления, которые так мощно и пышно расцвели в постсоветской России.

Литература:

1. Бюллетень ЦКК РКП (б) и НК РКИ СССР. 1925. № 8 . С. 66, 68.
2. РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории). Ф.613. Оп.3. Д.11. Л.3-4.
3. В своем отечестве пророки?. Публицистика перестройки: лучшие авторы 1988 года. М.: Книжная палата, 1989. С.118.
4. Восьмой съезд РКП (б). Протоколы. М.: Госполитиздат, 1959. С.423.
5. Бюллетень ЦКК ВКП (б) – НК РКИ СССР и РСФСР. 1927. № 2-3. С. 71.

6. ЦДНИКК (Центр документации новейшей истории Краснодарского края).
Ф.10577. Оп.1. Д.42. Л.3.
7. Бюллетень ЦКК ВКП (б) – НК РКИ СССР и РСФСР. 1926. № 2-3. С.42-43.
8. ЦДНИКК. Ф.10703. Оп.1. Д.57. Л.44-45, 52.
9. ЦДНИКК. Ф.10703. Оп.1. Д.61. Л.16-19.
10. ЦДНИКК. Ф.4387. Оп.1. Д.31. Л.93.
11. ЦДНИКК. Ф.12558. Оп.1. Д.2. Л.24-30.
12. ЦДНИКК. Ф.1725. Оп. Дополнительная. Д.2. Л.263.
8. ЦДНИКК. Ф.10703. Оп.1. Д.57. Л.44-45, 52.
9. ЦДНИКК. Ф.10703. Оп.1. Д.61. Л.16-19.
10. ЦДНИКК. Ф.4387. Оп.1. Д.31. Л.93.
11. ЦДНИКК. Ф.12558. Оп.1. Д.2. Л.24-30.
12. ЦДНИКК. Ф.1725. Оп. Дополнительная. Д.2. Л.263.